АКАДЕМИЯ НАУК СССР ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией члена-корреспондента АН СССР Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

вып. хіі

ИНДИЯ — СТРАНА И НАРОД Книга 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» Главная редакция восточной литературы Москва 1972

А. М. Дьяков, И. В. Сахаров

О ХАРАКТЕРЕ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ ИНДИИ (обзор языкового тома переписи населения 1961 г.)

Национальный вопрос представляет собой одну из самых важных политических и социальных проблем, стоящих перед Индией. Многонациональный состав населения, характер отношений между различными этническими группами, национальные движения отдельных народов оказывают огромное влияние и накладывают глубокий отпечаток на самые различные стороны общественно-политической и хозяйственной жизни этой страны.

За последние годы как в Индии, так и в других странах (в том числе и в СССР) был издан ряд книг и статей, посвященных этой важной и актуальной проблеме. Тем не менее до сих пор национальный вопрос Индии (в частности, такие его аспекты, как этноязыковой состав населения, уточнение того, какие именно этнические и языковые общности сложились или складываются в современной Индии, какова их численность и как они расселены по различным районам страны и т. д.) остается недостаточно изученным в научной литературе. Это можно объяснить, во-первых, чрезвычайной сложностью и многообразием самого объекта исследования (в частности, огромным количеством разнотипных этноязыковых общностей, слабым уровнем развития и неустойчивостью этнического самосознания многих из них и т. д.), во-вторых, недостаточным (до самого недавнего времени) вниманием, которое уделялось изучению этого вопроса, и в-третьих, характером материалов, по которым можно судить о важнейших вопросах, связанных с данной темой (в частности, особенностями соответствующих статистических источников).

Как известно, индийская демографическая и социальная статистика не содержит сведений о национальности. В связи с этим неоценимое значение приобретают публикуемые в Индии материалы, характеризующие языковой состав населения страны. Помимо того, что сведения о языках, на которых говорит население Индии, представляют большой интерес сами по себе, они позволяют нам составить представление и о национальном (этническом) составе ее жителей. Правда, судить по этим материалам о национальном составе населения можно только косвенно, так как языковые и этнические общности далеко не всегда совпадают. Для того чтобы определить национальный состав населения Индии, необходимо помимо учета данных о родном языке привлекать также сведения о происхождении, общественном строе, культуре, этническом самосознании и т. д. Тем не менее именно лингвистические ма-

териалы служат самым важным показателем этнической принадлежности из всех статистических показателей, которыми мы располагаем, и позволяют судить о национальном составе населения лучше, достовернее и точнее, чем любые другие данные. Весьма велико значение, в частности, лингвистических материалов и лингвостатистических исследований населения Индии.

* * *

Данные о языковом составе населения Индии собираются во время переписей населения, и статистические публикации переписей служат, по существу, единственным источником информации в этой области.

Общеиндийские переписи населения проводятся с 1881 г. регулярно раз в десять лет, но впервые сводная общеиндийская картина распределения жителей Индии по языкам была дана в 1901 г. благодаря трудам группы лингвистов, возглавленной выдающимся знатоком языковой ситуации в этой стране Дж. А. Грирсоном (1851—1941), автором знаменитого «Лингвистического обзора Индии» (Linguistic Survey of India), завершенного в 1929 г., — многотомного капитального труда, содержащего описание, исследование и классификацию индийских языков и диалектов. Труды Дж. А. Грирсона (в частности его схема классификации языков Индии) неизменно служили основой для его преемников, руководивших сбором и обработкой лингвистических данных во время последующих переписей населения.

Как правило (исключение составляет лишь перепись 1941 г.), публикации индийских переписей содержат огромный и чрезвычайно интересный материал о языковом составе населения страны, и выход в свет языковых томов каждой переписи— всегда долгожданное событие для индологов.

За последние годы потребность в получении новых данных о языковом составе населения стала ощущаться особенно сильно. После завоевания Индией независимости этноязыковые проблемы оказались в центре общественно-политической жизни страны и приобрели особое значение, актуальность и остроту. Так, под напором массовых национальных движений прежнее административно-территориальное деление страны, доставшееся в наследие от колониального прошлого и не отвечавшее задачам политического и экономического прогресса независимой Индии, было коренным образом реорганизовано по лингвистическому принципу и в какой-то мере приведено в соответствие с расселением крупнейших народов страны.

Между тем после переписи 1931 г., давшей полную и довольно тщательно выполненную, но к настоящему времени устаревшую картину языкового состава населения Индии, полноценных общеиндийских лингвистических материалов не публиковалось. Как известно, во время проведения переписи 1941 г. данные о языковой принадлежности жителей страны вообще не собирались. Что касается переписи 1951 г., то принятый в ней метод подачи и группировки статистического материала, относящегося к языкам, страдает рядом существенных недостатков, что снижает ценность опубликованных в этой переписи лингвистических данных (так, данные о различных формах речи — mother tongues — не были сгруппированы и обобщены, и все они — как те, название которых совпадало с названием определенного языка, так и те, относящиеся к этому же языку, которые получили особое название, — давались в таблицах рядом «на равных правах», без учета их соподчинения).

С другой стороны, обострение внутриполитической обстановки в некоторых районах страны в тот период на почве межнациональных и религиозных конфликтов имело своим следствием то, что языковые данные, собранные в 1951 г., по некоторым районам (например, в Панджабе) не соответствуют действительному положению вещей и искажают реальную языковую ситуацию (в результате, например, данные о хинди, урду, хиндустани и панджаби пришлось приводить в целом, без подразделения их на отдельные языки и формы речи). К тому же в переписи 1951 г. сведения о географическом распространении языков давались в соответствии со старым административно-политическим делением, и после реорганизации штатов на национально-языковой основе принятая в 1951 г. территориальная группировка материала ряла всякий смысл и только затрудняла пользование этими данными. В этих условиях многие индологи разных специальностей — лингвисты, демографы, этнологи, географы, социологи, правоведы, специалисты в области политики, культуры и т. д. — с нетерпением ожидали публикации данных, собранных во время проведения переписи 1961 г.

Вплоть до 1951 г. включительно сбор и обработка данных о языках осуществлялись временными группами работников, распускавшимися позавершении публикации обработанных материалов. Однако затем проведение переписей и обработка и публикация собранных данных были возложены на главное демографическое учреждение страны — специальное ведомство, находящееся в ведении министерства внутренних дел центрального правительства и возглавляемое Генеральным регистратором (Registrar General) Индии, который ex officio является также и Комиссаром по проведению переписей (Census Commissioner for India). Под руководством Генерального регистратора Индии Ашока Митры ¹ (за годы пребывания которого на этом посту ведомство было расширено и коренным образом реорганизовано) и сменившего его на этом посту А. Чандрасекхара ² и их помощников ведомство превратилось в постоянно действующий, крупнейший и самый важный в стране центр по проведению разнообразных (в том числе научно-исследовательских) работ в области демографии и смежных областях (в том числе географии, этнографии, экономики, картографии и др.). Ведомство Генерального регистратора Индии в настоящее время объединяет большой коллектив научных и технических сотрудников как в центре, так и в штатах. Силами этого коллектива, в частности, была разработана программа переписи населения 1961 г., было осуществлено ее проведение, а в настоящее время завершается огромная и многосторонняя работа по собранных данных, подготовке текстовых таблиц к их изданию. О масштабах этой работы красноречиво свидетельствует, например, тот факт, что в рамках переписи 1961 г. намечено опубликовать свыше тысячи отдельных томов (как общеиндийских, так и региональных, посвященных отдельным штатам и союзным территориям), многие из которых насчитывают по нескольку сотен страниц. Большинство этих томов уже вышло в свет.

Среди отделов, на которые подразделяется Ведомство Генерального регистратора Индии, имеется и Отдел языков. Задача сотрудников этого отдела — обработка и сведение в таблицы полученных во время пе-

стоящее время работает в Плановой комиссии Индии.

² В 1961 г. А. Чандрасекхар был уполномоченным по проведению переписи в штате Андхра Прадеш, а затем занимал пост заместителя Генерального регистратора

Индии.

¹ До того как А. Митра занял пост Генерального регистратора Индии, он был уполномоченным по проведению переписи 1951 г. в штате Западная Бенгалия. В настоящее время работает в Плановой комисски Индии

реписи данных о языках, на которых говорят жители Индии. Перед отделом поставлена задача разработать новейшую научную классификацию всех индийских языков и их диалектов с учетом самых последних достижений лингвистики в этой области и дать подробную статистическую информацию о численности говорящих на каждом из них и об их территориальном распространении.

Й вот перед нами первый итог работы этого отдела — один из недавно изданных томов, входящих в общеиндийскую серию, специально посвященный языкам ³, подготовленный к печати коллективом работников Ведомства Генерального регистратора во главе с руководителем Отдела языков Р. Ч. Нигамом при сотрудничестве с уполномоченными по проведению переписи в отдельных штатах и союзных территориях.

Опубликованные в этом томе данные представляют исключительный интерес, и том этот является чрезвычайно важным источником, залуживающим самого тщательного и всестороннего изучения. Между тем до сих пор (хотя со времени опубликования рассматриваемого тома — 1964 г. — прошло уже несколько лет) содержащиеся в нем данные почти не рассматривались в советской индологической литературе и, по существу, до сих пор так и не введены в научный оборот. Это и побудило нас подготовить сжатый, но в то же время достаточно подробный обзор общеиндийского языкового тома и опубликовать эту работу, чтобы сделать сведения о языках, собранные переписью 1961 г., достоянием широких кругов советских ученых.

Итак, остановимся на некоторых особенностях самого языкового тома переписи 1961 г.— на специфике материала, который был собран, обработан и опубликован в этой книге, и на особенностях подачи этого материала (на структуре тома, характере отдельных звеньев этой структуры и т. д.).

Это необходимо сделать потому, что восприятие содержащихся в нем статистических данных представляет известные трудности, и мы надеемся, что наши замечания помогут тем, кто захочет обратиться к

первоисточнику.

В рассматриваемом томе (стр. V) содержится обращение его составителей к возможным будущим рецензентам с просьбой поделиться своими критическими замечаниями и высказать свои соображения, которые могли бы помочь в дальнейшей работе над языковыми материалами. Поэтому, в целом высоко оценивая книгу, мы ниже основное внимание уделим именно спорным вопросам и недостаткам книги. Это представляется тем более целесообразным, что в 1971 г. в Индии была проведена очередная перепись населения, и, возможно, наши замечания и суждения окажутся небезынтересными и полезными для составителей будущего аналогичного языкового тома и смогут быть учтены при подготовке его к печати. К тому же этот вопрос представляет интерес не только для индийских переписей, но и для переписей, проводимых в других многонациональных и многоязычных странах, в том числе и в ССССР.

Языковой состав населения Индии отличается исключительной сложностью и пестротой. Эту страну населяет целый ряд крупных, мно-

³ «Census of India 1961», vol. I, India, pt II—C(ii). Language tables. With an introductory note on classification by R. C. Nigam, Linguist, Office of the Registrar General, India (Delhi, Manager of Publications, Government of India, 1964). (vi), CCXLIV, 534, p., 9 maps.

гомиллионных народов и множество малых народностей, племен и этнических групп. Все эти народы — большие и малые — говорят на разных языках, относящихся не только к разным группам, но даже и к разным языковым семьям.

При этом многие индийские языки бытуют как в форме «нормативного» языка, закрепленного, в частности, в литературе, так и в форме разговорной повседневной речи, иногда весьма заметно отличающейся от литературной. К тому же многие языки страны представлены как своим «стандартным», общепринятым вариантом, так и в виде различных диалектов, говоров и прочих разновидностей повседневной ной речи, число носителей которых также может быть очень велико; кроме того на некоторых диалектах в свою очередь может существовать «своя» литература, пресса и т. д. Нередко территориально соседствующие диалекты образуют смешанные, переходные формы, причем переход от одного диалекта к другому происходит иногда весьма постепенно и незаметно. Встречаются языковые разновидности, промежуточные не только между двумя, а то и тремя диалектами одного и того же языка, но и между соседними диалектами разных языков, в том числе даже языков, относящихся к разным языковым семьям. Во многих случаях такие гибридные формы речи можно с равным успехом отнести к разным языкам (равно как и выделить в самостоятельные языки). При этом отдельные диалекты, говоры и иные языковые разновидности внутри одного и того же языка могут иметь свои особые, иногда чисто локальные названия.

Уровень общественного развития различных народов Индии (в частности уровень их этнического самосознания) неодинаков. Некоторые народы, такие, как, например, бенгальцы или тамилы, обладают вполне сформировавшимся и устойчивым сознанием своей этнической принадлежности к языковой общности, гордятся своим языком и ясно понимают, на каком языке они говорят, как этот язык называется (впрочем, даже среди бенгальцев, особенно в некоторых районах на периферии ареала расселения этой нации, имеются группы населения, у которых сознание их принадлежности к бенгальской нации развито слабо или вообще отсутствует, а преобладает сознание принадлежности к той или другой локальной этнической и языковой общности).

Однако в Индии есть весьма многочисленные группы населения и даже целые народы (в том числе и весьма крупные), у которых этноязыковое самосознание развито очень слабо и характеризуется неопределенностью, расплывчатостью и даже неустойчивостью. Наиболее
характерны в этом смысле многомиллионные народы, населяющие в
основном штаты Уттар Прадеш, Мадхья Прадеш, Бихар и Раджастхан
и называемые в литературе обычно хиндустанцами, бихарцами и раджастханцами. Жители указанных штатов (особенно неграмотные или полуграмотные крестьяне, составляющие основную массу населения этих
районов) имеют весьма смутное представление о языковой принадлежности своей разговорной речи. К этому следует добавить, что в этих районах (как, впрочем, и во многих других) в последние десятилетия ведется и играет большую роль активная пропаганда в пользу определенных
языков по политическим, религиозным и иным мотивам.

Все это самым непосредственным образом отражается на данных о языках, собираемых во время переписей. Не имея четкого самосознания своей этнической принадлежности, не различая понятий «язык» и «диалект», не имея представления о принятом в науке названии языка, на котором они говорят, широкие массы населения могут назвать свой язык самым различным образом, иногда даже вне всякой связи с реаль-

но существующими объективными фактами. Так, одни во время опроса указывают вместо языка диалект этого языка или просто локальное название местного говора. Другие (обычно под воздействием пропаганды) вместо языка, на котором они фактически говорят, называют в качестве своего родного совершенно другой, чужой язык (которым они могут даже и не владеть), будучи убеждены, что этот другой язык представляет собой литературную, «культурную» форму того, по их мнению, «некультурного просторечья», которым они повседневно пользуются в обиходе.

Под влиянием пропаганды и общественного мнения, т. е. под влиянием сугубо внелингвистических факторов, бывает даже, что в разные годы при проведении переписи одни и те же лица дают своему родному языку разные названия и даже указывают разные языки. Иногда влияние политических, нередко сугубо конъюнктурных факторов бывает настолько сильным, что собранные переписью данные о языковом составе оказываются искаженными, а то и просто не соответствующими действительности.

Так, хиндустанцы в ответ на вопрос о родном языке, как правило, называют хинди, хотя, по широко принятому в науке Дж. А. Грирсона, в зоне их расселения бытуют два самостоятельных языка (западный хинди и восточный хинди), которые в свою очередь распадаются каждый на несколько крупных диалектов. Раджастханцы, напротив, предпочитают давать своему родному языку название одного из раджастханских диалектов (некоторые из этих диалектов, кстати, обладают литературной традицией и могут считаться отдельными языками). Что касается бихарцев, то они вообще во время разных переписей дают различные сведения; в 1951 г. все они причислили себя к говорящим на хинди (хотя это не соответствует действительности), а в 1961 г. часть из них указала хинди, а другая часть — бходжпури, майтхили и магахи, т. е. языки, которые являются родными языками бихарцев на самом деле (Дж. А. Грирсон и Р. Ч. Нигам склонны считать их диалектами одного языка — бихари, однако в 1961 г. последнее название в самом Бихаре не было указано ни одним человеком). Сходные явления, хотя и в меньших масштабах, наблюдаются и в других районах, среди других народов (особенно там, где население смешанное и где широко распространено двуязычие).

Все эти обстоятельства накладывают заметный отпечаток на картину языковой ситуации, фиксируемую переписями населения Индии. Однако прежде чем говорить о том, в каком же виде предстает перед нами эта картина в языковом томе переписи 1961 г., следует сделать одно существенное разъяснение терминологического характера, касающееся содержащегося в книге (и, соответственно, в нашей статье) статистического материала.

Изучая данный том, необходимо помнить о том, что в нем приходится сталкиваться с двумя близкими друг другу, но, тем не менее различными понятиями, разницу между которыми нужно ясно осознать и которые, во избежание возможных недоразумений, необходимо четко разграничить.

Для обозначения понятия «язык» в английском языке существует два разных слова — language и tongue. В рассматриваемом томе эти два слова используются для терминологического разграничения двух разных понятий.

Слово language, по принятой в переписи терминологии, обозначает всякую языковую разновидность, которой (в отличие, например, от диалекта), согласно принятой научной классификации, отведен ста-

тус самостоятельного языка и которая известна под определенным, принятым в науке названием. В нашей статье это понятие пов-

сюду переводится как «язык».

Помимо language, в книге фигурирует еще одно понятие, обозначаемое термином mother tongue. В ходе переписи 1961 г., как и во время проведения прежних переписей, всем опрашиваемым задавался вопрос: «Ваш родной язык?». При этом каждый был волен (исходя из собственных представлений о своем языке, далеко не всегда совпадающих с научной точкой зрения по этому вопросу) указать в ответ то название своего языка, которое считал более подходящим, и даже вообще назвать любой язык, который находил нужным назвать. Счетчики, в соответствии с принятыми в переписях традициями, записывали то название родного языка, которое давалось ему самим опрашиваемым. При обработке собранного переписью лингвистического материала одинаковые ответы суммировались (таким образом, становилось общее число лиц, давших своему родному языку то или иное название) и полученные совокупности индивидуальных языковых разновидностей, получивших от самих их носителей одинаковое имя, и были обозначены по принятой в томе терминологии как mother tongues.

Буквальный перевод этого термина с английского — «родной язык». Однако чтобы не путать это понятие с понятием «язык» в смысле language (т. е. с теми языковыми формами, которым лингвистическая классификация предоставляет статус отдельного языка) в нашей статье термин mother tongue переводится на русский язык как «родная речь», а фигурирующие в переписи многочисленные разновидности «родной речи», отличающиеся друг от друга по названию, полученному в ходе опроса, — как «формы родной речи», или просто «формы речи». Ниже по всей статье мы пользуемся именно этим последним, сокращенным вариантом перевода для обозначения указанного понятия.

Каково же соотношение между languages и mother tongues—между языками и формами речи? Указанные понятия близки друг к другу, однако далеко не тождественны. Это можно показать на примере языков и форм речи, образующих одноименную пару. Примером может служить форма речи хинди (в 1961 г. так назвало свой язык около 123 млн. человек) и язык хинди, в который входят помимо формы речи хинди еще 96 других разноименных форм речи с общим числом назвавших их родным языком свыше 10,4 млн. Таким образом, общее число носителей языка хинди составляет, по данным переписи, более 133 млн. человек.

Как правило, форма речи, имеющая то же название, что и язык, статистически образует основную часть соответствующего языка. В редких случаях объемы обоих названных понятий полностью совпадают. Так, все 512 тыс. носителей языка куи назвали свой язык именно этим именем, и, таким образом, понятия «язык» куи и «форма речи» куи оказались полностью совмещены (т. е. язык куи состоит лишь из одной формы речи). Однако имеется немало и таких примеров, когда форма речи, одноименная со «своим» языком, составляет небольшую, иногда даже незначительную часть этого языка. Ниже это проиллюстрировано на таких красноречивых примерах, как языки бихари, раджастхани. бхили, синдхи.

Таким образом, формы речи, отличающиеся друг от друга по названию (которое им дали сами носители), но отнесенные к одному и тому же языку, и составляют в совокупности этот язык, а каждый язык, в свою очередь, состоит из всех включенных в него разноименных форм речи (в том числе, разумеется, и той формы речи, которая имеет то же название, что и сам язык).

Терминологическое разграничение обоих указанных понятий—language (язык) и mother tongue (форма речи)—последовательно проводится в тексте и в таблицах рассматриваемого нами языкового тома переписи 1961 г. и соответственно в настоящей статье, и во избежание недоразумений это необходимо постоянно иметь в виду.

В связи с вышесказанным необходимо сделать еще одно важное уточнение. Очень часто разные названия, которые дают своему языку его носители, отражают действительно существующую внутреннюю неоднородность данного языка, его фактическую диалектную расчлененность. Так, многие носители хинди, говорящие на диалекте авадхи, назвали свой язык авадхи; наличие формы речи «чхаттисгархи» также служит показателем существования диалекта под этим именем. Точно так же, с другой стороны, нередко одна и та же форма речи «состоит» целиком из совершенно однородного по своим объективным свойствам языкового материала.

Однако обычно между формами речи, как они зафиксированы в переписи, и характером реальной языковой ситуации, которую они отражают, существуют большие или меньшие расхождения. Разноименные формы речи на самом деле могут обозначать совершенно одно и то же лингвистическое явление. Под разными названиями может фигурировать не только один и тот же язык, но даже и один и тот же диалект или субдиалект: так, различные носители упомянутого выше диалекта авадхи дали своему диалекту 15 разных названий помимо авадхи (не считая того, что основная их часть назвала свой язык «хинди»), из которых большая часть представляет собой просто локальные названия одного и того же диалекта или субдиалекта. С другой стороны, под одним и тем же названием в виде единой формы речи могут выступать не только разные диалекты, но даже и разные языки. Мы уже упоминали о том, что подавляющая часть жителей Бихара, указавших, что их родной язык — хинди, на самом деле говорит на бходжпури, магахи и майтхили. Не нашел никакого отражения в переписи и факт существования в зоне распространения хинди двух самостоятельных (по Дж. А. Грирсону) языков — западного хинди и восточного хинди. Большие сомнения вызывает и достоверность собранных переписью данных о некоторых языковых группах в ряде других районов страны. Известно, например, что по разным причинам часть панджабиязычного населения Панджаба в 1961 г. отнесла себя к говорящим на хинди, а некоторые бенгальцы, живущие в Ассаме, указали в качестве своего родного языка ассами вместо бенгали.

Таким образом, отличаясь по своему названию, различные формы речи, с одной стороны, вовсе не обязательно отличаются друг от друга как реальные языковые разновидности, по своим объективным языковым характеристикам, а с другой — одна и та же (одна и та же по своему названию!) форма речи совсем не обязательно представляет собой нечто единое, однородное. Однако установить, исходя только из собранных переписью данных, реальную картину языкового состава в тех случаях, когда сомнения касаются многочисленных групп населения (а в указанных выше примерах речь идет о десятках миллионов человек), практически невозможно — ведь для этого пришлось бы провести параллельно с переписью сплошное полевое обследование языков жителей «сомнительных» районов и объективно определить родной язык каждого жителя этих районов. Поэтому по необходимости перепись 1961 г., как и всегда в таких случаях, как бы принимает «на веру» ответы опрашиваемых и условно исходит из того, что эти ответы отражают действительную языковую принадлежность опрашиваемых и что,

в частности, одинаковые названия опозначают одну и ту же языковую разновидность (кстати, в подавляющем большинстве случаев эти ответы отражают реальную картину довольно правильно).

Проверка действительной принадлежности тех или иных форм речи производилась лишь тогда, когда само название формы речи вызывало сомнение и не давало возможности с уверенностью определить ее принадлежность к какому-либо языку, причем проверка была выборочной и касалась, как правило, весьма немногочисленных групп населения.

Нужно сказать, что данные о формах речи не менее важны для изучающих языковой состав населения Индии, чем данные о языках. Сведения о том, какое число носителей того или иного языка употребило при ответе на вопрос о родном языке принятое название этого языка, а какое число предпочло назвать, скажем, наименование того или иного диалекта этого же языка, каков удельный вес различных форм речи внутри их совокупности, составляющей язык, и как меняется это соотношение в разных районах и от переписи к переписи, дают возможность косвенно судить о характере этноязыковой ситуации в том или ином районе, об уровне национального самосознания различных народов, о направлении этнических процессов. Поэтому составители тома в соответствии с традициями переписей населения Индии поставили перед собой задачу подать языковой статистический материал таким образом, чтобы показать численность и территориальное размещение «носителей» и каждого языка, и каждой формы речи.

* * *

Что же представлял собой конкретный материал, собранный переписью 1961 г.?

Языковое обследование проводилось по всей территории страны (за исключением части штата Джамму и Кашмир, находящейся под контролем Пакистана) — во всех штатах и союзных территориях. Обследованием было охвачено 438 937 тыс. из 439 235 тыс. жителей Индии, т. е. 99,93% населения страны. Единственный охваченный переписью район, где данные о языковом составе населения были собраны не полностью, — это союзная территория Северо-Восточное Пограничное Агентство (сведения о родном языке были собраны здесь лишь о 39 тыс. из 337 тыс. жителей). Таким образом, перепись 1961 г. дает нам весьма полную, почти исчерпывающую картину языкового состава населения страны.

При изучении собранного в ходе переписи лингвистического материала было обнаружено свыше трех тысяч различных названий родного языка, указанных самими опрашиваемыми. Эти данные представляли собой, однако, лишь «сырье», нуждавшееся в дальнейшей довольно сложной, многосторонней и многоступенчатой обработке. Этот первичный материал надлежало, во-первых, подвергнуть предварительному упорядочению и, во-вторых, систематизировать и классифицировать.

Прежде всего, в переписных бланках было обнаружено много языковых названий, которые представляли собой по существу разные варианты одного и того же названия, отличавшиеся друг от друга лишь по написанию. Отступления от стандартного написания происходили обычно оттого, что существуют разные варианты произношения некоторых названий на разных индийских языках и в разных штатах. Кроме того, при транслитерации счетчиками этих названий латинскими буквами количество вариантов (не считая явно ошибочных) еще более возросло. Известны случаи, когда даже в одном и том же штате неко-

торые названия были записаны счетчиками в девяти разных формах. Поэтому надлежало прежде всего свести различные варианты одного и того же названия к единой стандартной форме.

Во-вторых, в Индии имеется ряд языков и диалектов, каждый из которых в разных районах и местностях или просто среди разных групп его носителей известен под разными, но более или менее «равноправными», одинаково принятыми названиями. Так, одни носители языка курукх (на этом языке говорит в основном бихарская народность ораон) называют его «курукх», а другие, в соответствии со своей этнической принадлежностью, — «ораон». Пашто — главный язык Афганистана некоторых районов Западного Пакистана — известен в Индии не только как «пашто» (а также «пакхто»), но и как «афгани» (по имени страны), «кабули» (по имени столицы Афганистана) и «патхани» (по соответствующему этнониму). Все эти различные варианты названия одной и той же формы речи фигурировали среди языковых названий, зарегистрированных переписью. Поэтому в каждом таком случае все эти варианты были объединены в одно общее, «сводное» название, в котором поставлены рядом все его разновидности, отделенные друг от друга косой чертой (например, курукх/ораон, брадж бхаша/брадж бхакха, лушаи/мизо и т. д.).

В-третьих, в ряде случаев оказалось, что, напротив, одно и то же имя в разных местностях дается разным языкам. Так, во многих штатах опрашиваемые назвали свой язык «нагари». Однако специально проведенное обследование показало, что в Ассаме, Мадхья Прадеше, Панджабе. Уттар Прадеше, Западной Бенгалии и Трипуре этим названием обозначался хинди, в Андхра Прадеше— каннада, в Керале— малаялам, а в Мадрасе— маратхи (стр. CLXXIV). Точно так же в Бихаре название «нагпури» в одних случаях означало магахи, а в других— маратхи (стр. CCIX). В таких случаях разные языки были обособлены друг от друга с помощью добавления к зарегистрированному названию названия соответствующего языка (например, в случае с нагари были выделены нагари-хинди, нагари-каннада, нагари-малаялам и т. д.).

Своеобразием отличались многие названия иностранного происхождения. Так, некоторые опрошенные во время переписи лица назвали свой родной язык по имени страны, из которой, очевидно, они происходят (например, 85 человек назвало свой язык югославским, 77— канадским, 75— швейцарским, 3— египетским и т. д.) или даже по названию континента (118 человек назвали свой язык африканским, 45— американским, 9— европейским, один — даже евроазиатским), города (11 человек назвали свой язык ханойским) или района (среди прочих был зарегистрирован даже один человек, который ответил, что говорит на сибирском языке).

Вся эта работа по упорядочению была проведена со всеми названиями, относящимися к индийским языкам, и в той мере, в какой это оказалось возможным, также и с названиями иностранными. В итоге три с лишним тысячи «первичных» языковых названий оказались сведенными к 1652 названиям, в том числе к 1549 индийским и 103 иностранным.

Были, разумеется, проделаны и соответствующий пересчет и перегруппировка цифрового материала, относящегося к этим названиям. Число тех, кто в ходе опроса дал своему родному языку одинаковое название, суммировалось. Полный список всех этих 1652 форм речи с указанием числа «носителей» (по штатам) приведен в сводной таблице С — V(E). Как показывают таблица и дополнение к ней, зафиксированные переписью формы речи оказались самой различной «величины».

Подавляющее большинство их представлено очень небольшим числом «носителей». Так, 640 языковых названий (т. е. более одной трети) было указано не более чем десятью человеками (в том числе 248 форм речи насчитывают лишь по одному «носителю»). В то же время ряд названий форм речи был указан несколькими десятками миллионов человек, а «хинди» назвало более 123 млн. человек.

После упорядочения множества языковых названий, зарегистрированных счетчиками во время переписи, перед составителями языкового тома встала новая, гораздо более сложная задача. Необходимо было как-то определить и систематизировать собранный огромный и разнородный материал, подвергнуть его классификации, т. е., исходя из определенной концепции, с одной стороны, установить соотношение между диалектными, локальными и иными формами речи и языками, определить, к какому языку каждая форма речи относится, а с другой — найти место каждого языка в классификационной схеме, распределив их по соответствующим иерархическим ступеням — языковым группам, ветвям, семьям.

В большинстве случаев опрашиваемые называли свой родной язык его «официальным» именем, т. е. указывали то название, под которым их язык известен в науке и значится в схеме языковой классификации. Так, например, свыше 99% носителей бенгали, тамил, телугу и ряда других языков дали своему родному языку соответственно название «бенгали», «тамил», «телугу» и т. д. Поскольку почти все языки Индии (в том числе и крупные) большей частью выступают под своим «собственным» именем, в виде одноименных с ними форм речи, определить языковую принадлежность подавляющей части индивидуальных ответов (и тем самым подавляющего большинства населения) не составляло труда.

Что касается определения языковой принадлежности множества форм речи, названия которых не совпадали с названием какого-нибудь языка, то эта задача была достаточно сложной. Зафиксированные переписью названия форм речи были самыми различными. В условиях низкого уровня развития этнического самосознания, с одной стороны, и объективно существующей внутренней диалектной расчлененности многих индийских языков — с другой, многие жители Индии указали вместо названия языка в одних случаях название его диалекта, субдиалекта или местного говора, в других — локальное название данного языка (не связанное с наличием какой-либо особой диалектной разновидности); в некоторых случаях зафиксированные названия отражают даже не языковую, а этническую, социальную или профессиональную принадлежность опрашиваемых.

Изучение собранного переписью материала обнаружило, что один и тот же язык может выступать под многими именами. Так, к языку бхили было отнесено 36 разноименных форм речи, к языку маратхи—65, к языку хинди—97!

В некоторых языковых группах удельный вес лиц, давших своему родному языку название, отличающееся от «официального», весьма велик. Из 1,4 млн. носителей синдхи определили свой язык именно как «синдхи» лишь 977 тыс. человек, т. е. немногим более двух третей их общего числа. Из 2,4 млн. говорящих на бхили это название было указано лишь 769 тыс. человек, т. е. менее чем третьей частью, а остальные дали своему языку одно из 35 других имен.

В Отделе языков была сделана попытка определить каждую из 1549 форм речи индийского происхождения (103 формы речи, определенные как относящиеся к иностранным языкам, классификации вообще

не подвергались; они были лишь сгруппированы по континентам). В итоге удалось так или иначе систематизировать и распределить по различным подразделениям языковой классификации (семьям, ветвям, группам, языкам и др.) 1019 форм речи. Из них 991 была «приписана» к одному из определенных языков — всего было определено таким образом 187 языков (см. приложение ко второй нашей статье, помещенной в настоящем сборнике). Соответственно для каждого языка было суммировано число «носителей» всех отнесенных к нему форм речи (в том числе, разумеется, и одноименной с ним); тем самым устанавливалось общее число носителей данного языка.

О 28 других формах речи удалось установить лишь их принадлежность к той или иной языковой группе, но не к определенному языку этой группы; такие формы были объединены в категорию «не определенных» языков (например, не определенные языки мунда, не определенные языки нага и т. д.), из них самую многочисленную по числу носителей группу образуют не определенные языки пахари (1015 тыс. человек).

Таким образом, было классифицировано 1019 из 1549 индийских форм речи, иными словами — менее двух третей их общего количества. Однако следует иметь в виду, что на классифицированных формах речи говорит более 99,9% всего населения страны.

Неклассифицированными остались 530 индийских форм речи, однако в большинстве своем они крайне невелики по числу «носителей» (так, среди них насчитывается 151 форма речи, название каждой из которых было указано лишь одним человеком), и в целом на всех этих 530 формах речи говорит лишь 63 тыс. человек (менее 0,01% населения страны).

На не подвергшихся классификации 103 формах речи иностранного происхождения говорит гораздо большее число людей —315 тыс.; однако 224 тыс. из них указали своим родным языком английский, а значительная часть остальных также указала один из известных и достаточно хорошо изученных европейских или азиатских языков, место которых в системе лингвистической классификации не вызывает сомнений.

Таким образом, удалось систематизировать и классифицировать практически весь собранный переписью 1961 г. лингвистический материал, за исключением количественно ничтожной его части.

* * *

Последней — но далеко не самой простой — задачей, вставшей перед Р. Ч. Нигамом и его коллегами, было разработать метод и схему подачи обработанного лингвистического материала и представить его в виде статистических таблиц. Как же удалась эта задача?

Обратимся к структуре рассматриваемой книги и дадим ее критический анализ.

Том начинается замечаниями Генерального регистратора Индии Ашока Митры. Эти замечания содержат две статистические таблицы и предваряющий их небольшой комментарий к ним.

В первой из этих таблиц (Statement I, стр. XV—XXVI) показана (по материалам переписей 1911, 1921, 1931, 1951 и 1961 гг.) динамика изменения численности (в абсолютном выражении и в процентах) важнейших языковых групп в каждом штате и каждой союзной территории (учтены те группы, которые в 1951 г. насчитывали не менее 50 тыс. человек в штатах и не менее 10 тыс. в союзных территориях). Во избежание возможной путаницы следует отметить, что эта таблица и поясняю-

щий ее текст — одно из немногих мест в рассматриваемом томе, где не выдержан принцип терминологического разграничения между формами речи и языками: хотя здесь повсюду употребляется слово «язык» (language), на самом деле имеются в виду не языки, а формы речи

(mother tongues).

Далее, во второй таблице (Statement II) на стр. XXVII—CLVIII даны сведения по каждому штату и каждой союзной территории о динамике численности носителей трех самых распространенных (в 1961 г.) в каждой из этих административных единиц языков (languages) за 1911—1961 г., причем эти сведения приведены по каждому из дистриктов (округов) соответствующих штата или территории с указанием абсолютной численности носителей, прироста или сокращения за десятилетие (в процентах) и удельного веса рассматриваемой языковой группы во всем населении штата, территории, дистрикта (в процентах).

Далее следует обширное (стр. CLIX—CCXXVI) предисловие к тому (Introductory Note), написанное Р. Ч. Нигамом, руководителем Отдела языков Ведомства Генерального регистратора. Предисловие посвящено в основном подробному изложению принципов разработанной автором классификации языков, принятой в переписи 1961 г. В ее основу положена известная классификация Дж. А. Грирсона, в которую, однако, внесены некоторые изменения (уточнения, дополнения, упроще-

ния и т. д.).

Предисловие имеет четыре дополнения (Annexures). Первое из них (стр. CCXXVII) содержит перечень всех 103 зафиксированных переписью 1961 г. иностранных форм речи (которые, как уже отмечалось выше, остались неклассифицированными) с указанием числа лиц, назвавших каждую из них родным языком. Во втором дополнении (стр. CCXXVIII—CCXXIX) перечислены все 530 форм речи индийского происхождения, которые не удалось классифицировать. В третьем дополнении (стр. CCXXX—CCXXXIX) дана схема принятой в переписи 1961 г. классификации с указанием всех классифицированных языков и объединенных с ними форм речи, сгруппированных по соответствующим подразделениям схемы; указана численность носителей каждого языка и каждой формы речи. Наконец, четвертое дополнение (стр. CCXXXIX—CCXLII) содержит перечень всех форм речи, в том числе и неклассифицированных, которые определены как формы речи племен.

Далее (стр. 1—210) следуют основные официальные языковые таблицы переписи 1961 г. В соответствии с местом в общей структуре переписи эти таблицы обозначены индексом С-V (по всей переписи индекс С обозначает таблицы и соответственно тома, содержанием которых служат социальные и культурные аспекты; индекс V обозначает спе-

циально языковую тематику).

Первая из них, табл. С-V(A) (стр. 1—29), содержит информацию о 14 языках, упомянутых в Конституции Индии (приложение VIII),—ассами, бенгали, гуджарати, хинди, каннада, кашмири, малаялам, маратхи, ория, панджаби, санскрит, тамил, телугу и урду. Для каждого из них указано число носителей с разбивкой по половому составу (такая разбивка сделана во всех других основных таблицах тома). Для штатов и территорий сведения даны также раздельно по городскому и сельскому населению. Особенность (и достоинство) этой таблицы в том, что данные приведены не только по Индии в целом и по штатам и территориям (как и во всех других таблицах, штаты расположены по вертикали в соответствии с алфавитным порядком их английских названий, а за ними следуют союзные территории), но и по каждому из дистриктов, на которые штаты и территории подразделяются. В алфавитном

порядке, но по горизонтали расположены в этой таблице и 14 названных языков.

Как это сделано и в аналогичных последующих таблицах о языках (languages), таблица C-V(A) имеет дополнение (Supplement), посвященное формам речи. В нем на стр. 31—67 для каждого из 14 включенных в таблицу языков указаны все названия объединенных с ним форм речи и число лиц, указавших каждую из них, по штатам и территориям (формы речи в каждом из языков расположены по алфавиту своих названий).

В табл. С-V(В) (стр. 69—76) даны сведения о языках, число носителей которых составляет не менее 500 тыс. человек (за исключением тех из них, которые упомянуты в Конституции и поэтому уже были отражены в предшествующей таблице). Таких языков в 1961 г. было зафиксировано 16: бихари, раджастхани, сантали, бхили, гонди, синдхи, конкани, курукх (ораон), кумауни, непали, тулу, гархвали, мундари, хо, манипури (мейтхеи) и куи. В эту же таблицу по формальному признаку (число носителей) попала группа не определенных языков пахари. Начиная с этой таблицы, языки располагаются не по алфавиту, а по убывающей численности их носителей. Кроме того, в этой и в остальных последующих таблицах все данные о числе носителей даются только по штатам и союзным территориям в целом, без разбивки по дистриктам. По аналогии с предшествующей таблицей к таблице С-V(В) дано дополнение (стр. 77—101) со сведениями о соответствующих формах речи.

Таблица C-V(C) (стр. 103—108) и дополнение к ней (стр. 109—117) содержат поданные в том же порядке сведения о языках, число носителей каждого из которых составляет от 100 000 до 499 999 человек, и относящихся к ним формах речи. В эту категорию в 1961 г. попали языки кхандеши, кхаси, бодо/боро, гаро, трипури, савара, мандеали, английский, лушаи/мизо, корку, кхариа, кхонд/кондх, микир, бхумидж, коя, мири, хиндустани, сирмаури и парджи (итого 19 языков), а также группа не определенных языков мунда.

В таблице C-V(D) (стр. 119—123) и дополнении к ней (стр. 125—137) указаны прочие (кроме иностранных) языки (с числом носителей менее 100 тыс. человек), не рассмотренные в предыдущих таблицах (их приведено здесь 56; кроме того, в эту категорию попали группы не определенных языков нага, бхотиа, куки и чин), и относящиеся к ним

формы речи.

Итак, таблицы C-V (A, B, C и D) в совокупности охватывают классифицированные формы речи, сгруппированные в 105 языковых общностей, получивших в соответствии с принятой в переписи 1961 г. классификацией статус «языков» (languages), и в 6 групп не определенных, но близкородственных языков. Что касается 530 неклассифицированных индийских, а также 103 иностранных форм речи, то, как указывалось, сведения о них были даны выше во втором и в первом дополнениях к предисловию, написанному Р. Ч. Нигамом.

Кроме того, далее следует таблица C-V(E) (стр. 139—183), которая представляет собой полный список расположенных в алфавитном порядке всех 1652 названий форм речи, зафиксированных переписью 1961 г., как классифицированных, так и оставшихся неклассифицированными. Против каждой из неклассифицированных (и соответственно не попавших ни в одну из предшествующих таблиц) форм речи здесь же указано число лиц, давших своему родному языку это название (раздельно для мужчин и женщин, с разбивкой по штатам и территориям), а для каждой классифицированной формы речи указано, в дополнении к какой из предшествующих таблиц следует

искать сведения о числе лиц, назвавших свой язык этим именем. Эта таблица служит как бы ключом ко всему тому: с ее помощью можно

отыскать сведения о каждой форме речи.

В дополнении к этой таблице (стр. 185—200) все формы речи, каждую из которых назвало менее 100 тыс. человек, сгруппированы в 17 количественных категорий по числу носителей— от категорий 99 999—50 000, 49 999—25 000 и т. д. до категории, к которой отнесены названия, каждое из которых было указано в качестве родного языка лишь одним человеком (в последнюю категорию попало 248 названий).

Наконец, последняя таблица основного ряда C-V(F) (стр. 201—210) содержит список форм речи, которые были классифицированы в «Обследовании языков Индии» Дж. Грирсона или были предварительно классифицированы или реклассифицированы в 1961 г. как принадлежащие к определенным языкам, которые в свою очередь классифицированы по языковым группам «Обследования языков Индии».

Далее следуют три приложения (Appendices). В приложении I (стр. 211—220) показана схема классификации, разработанной Дж. А. Грирсоном в «Обследовании языков Индии», с указанием всех языков и форм речи и индексов (номеров), под которыми все они числятся в этой схеме. Приложение II (стр. 221—223—367) содержит списки всех форм речи в алфавитном порядке по каждому штату и в каждой союзной территории, причем в разделах, посвященных Северо-Восточному Пограничному Агентству (СВПА) и Нагаленду, помещено несколько карт, показывающих размещение племен и языковых трупп (для СВПА — ориентировочно, для Нагаленда — подробно, для каждой деревни в отдельности). Приложение III (стр. 369—371—435) представляет собой перепечатку текста той части отчета переписи 1901 г., которая посвящена языкам и автором которой был Дж. Грирсон.

Том завершает таблица C-VI (стр. 437—517), посвященная билингвализму (двуязычию). Здесь вначале (стр. 438—441) указано, какое число лиц назвало в качестве своего второго языка один из 14 языков, упомянутых в Конституции (по штатам и территориям). Затем идет основная часть таблицы (стр. 443—517), где даны сведения о 114 формах речи. Для этой таблицы были отобраны те формы речи, которые, во-первых, были названы по всей Индии не менее чем 10 тыс. человек каждая, и из которых, во-вторых, не менее чем 5 тыс. человек указали также и второй язык. О каждой из этих 114 форм речи сообщается следующее: общее число лиц, назвавших свой родной язык этим именем; число тех из них, кто указал, что владеет еще одним языком; важнейшие вторые языки с указанием числа назвавших их (все эти сведения даны с разбивкой по штатам и территориям).

Наконец, к тому приложен также указатель (стр. 519—534)— алфавитный список названий всех языков и форм речи с указанием страниц тома, на которых они упоминаются, и (если эти формы речи классифицированы) их принадлежности к той или иной языковой

семье.

* * *

Такова структура рассматриваемого тома. Что же можно сказать об этой структуре, о наполнении ее отдельных звеньев, о характере расположения и степени подробности содержащихся в книге языковых данных?

Прежде всего обращает на себя внимание то, что при распределении собранного переписью статистического материала по отдельным

таблицам не выдержан единый принцип. В то время как таблицы (В), (С) и (D) отличаются друг от друга по количественному принципу (по числу носителей помещенных в них языков, причем в каждой изних языки располагаются не в порядке алфавита их названий, а по числу лиц, назвавших данный язык родным), таблица (А) выделена по принципу особого конституционного статуса представленных в ней языков (которые расположены в ней в алфавитном порядке, т. е. так, как они зафиксированы в Конституции).

Распределять собранный статистический материал между основными таблицами тома то по одному, то по другому критериям представляется нам в принципе нежелательным. В данном конкретном случае выделение отдельной табл. (А) для языков, упомянутых в Конституции, и в то же время дальнейшее членение оставшегося материала между таблицами (B), (C) и (D) по количественному признаку кажется нам, кроме того, неоправданным, нецелесообразным и неудобным при пользовании томом. Такой способ можно было бы принять лишь в том случае, если бы особый конституционный статус был предоставлен наиболее распространенным (по числу носителей) языкам и если бы в табл. (А) соответственно попали бы только самые крупныеязыки страны. Дело, однако, обстоит иначе. Среди упомянутых 14 языков — крупнейшие и самые распространенные языки страны, и в совокупности, согласно переписи 1961 г., их считают родными более 382 млн. человек, т. е. 87,1% всего населения Индии. Тем не менее в числе языков, названных в Конституции, есть и весьма небольшие по степени распространенности. В результате в табл. (А) оказываются количественно самые «разнокалиберные» языки: с одной стороны, такие, как хинди, телугу, бенгали, тамил, число носителей каждого из которых достигает нескольких десятков миллионов человек, а с другой — кашмири, число носителей которого составляет менее 2 млн., и даже санскрит — фактически мертвый язык, своего рода «латынь Индии», который указали в качестве родного языка лишь 2,5 тыс. человек (санскрит от переписи к переписи называют своим родным языком незначительные по численности группы лиц, причем в разные годы разные люди, делающие это не потому, что санскрит действительно является их родным языком, а из соображений престижа и т. п.). В табл. (А) включен также урду, хотя составитель сам Р. Ч. Нигам считает урду разновидностью хинди и выделяет его в качестве особого языка только потому, что урду упомянут в Конституции.

В то же время, не будучи упомянутыми в Конституции, в табл. (А) не попали такие важные и широко распространенные языковые формы, как, например, бихари и раджастхани (не говоря уже об отдельных разновидностях бихари и раджастхани, таких, как бходжпури, магахи, майтхили, марвари, мальви, мевари и др., на каждом из которых говорит по нескольку миллионов человек и многие из которых можно считать отдельными языками). В свою очередь из-за принятого в томеделения в табл. (В) также оказались самые разные по численности и значению языки: наряду с бихари и раджастхани, которые, согласно переписи 1961 г., являются родными языками соответственно для 16 млн., 8 млн. и 14,9 млн. человек, в эту таблицу попали сравнительно «небольшие» языки, например куи (немногим более 0,5 млн. носителей).

Поэтому, нисколько не подвергая сомнению правомерность самого выделения среди всех языков Индии тех или иных языков и предоставления им особого официального статуса, нельзя не признать, что в языковом томе переписи для читателей было бы удобнее и нагляднее сгруппировать весь статистический материал только по одному, а имен-

но количественному показателю (это гораздо удобнее, чем подразделять его на языки, упомянутые и не упомянутые в Конституции, или, например, как это было сделано в языковом томе переписи 1951 г., располагать языки в соответствии с их местом в системе генетической классификации) и придерживаться этого принципа неукоснительно во всем томе для каждого языка.

В пользу такого решения говорит также и то обстоятельство, что сам список упомянутых в Конституции языков не есть нечто данное раз и навсегда. Так, не прошло и двух лет со дня проведения переписи 1961 г., как в этот список дополнительно был включен язык синдхи (1,4 млн. носителей). По-видимому, этот список в будущем пополнится рядом других языков. Например, получил официальное признание (впрочем, пока что не отраженное в Конституции) в качестве отдельного языка майтхили (этот язык в 1961 г. указало в качестве родного 5 млн. человек; на самом деле носителей майтхили гораздо больше. однако перепись 1961 г. отказывает майтхили в статусе языка и квалифицирует его как диалект — форму речи — бихари). Не исключено, что указанный список будет даже вообще изъят из текста Конституции.

Что же касается отражения в рассматриваемом томе самого факта существования категории языков, имеющих особый конституционный статус, то было бы вполне достаточно сделать это путем включения в том специального приложения-таблицы, в которой был бы помещен список этих языков с указанием числа носителей каждого из них.

Вообще здесь следует сказать, что, по нашему мнению, и в данном случае (при делении языков по их конституционному статусу), и во всех других случаях, когда составители языкового тома находят нужным давать те или иные группировки языков по различным критериям, самым «лаконичным» и удобным для усвоения материала способом служит составление специальных тематических дополнений. Кстати, в рассматриваемом томе к этому способу прибегают неоднократно. Примером могут служить упомянутые выше четыре дополнения к предисловию Р. Ч. Нигама. Напомним, что в первом из них приведен список иностранных форм речи, во втором — список неклассифицированных индийских форм речи, в третьем произведены группировка языков по степени их родства между собой и их объединение в подразделения различного таксономического ранга (классификация), а в четвертом сгруппированы формы речи, отнесенные к категории языков племен. Точно так же отдельный список можно было бы дать и для языков, упомянутых в Конституции.

В свете сказанного выше вызывает сомнение и целесообразность разделения остальных (не вошедших в табл. А) языков на три категории в зависимости от числа их носителей и группировка статистических материалов, относящихся к каждой из этих категорий, в отдельные таблицы (B), (C) и (D). Во-первых, предложенные «границы» между количественными группами (500 тыс. и 100 тыс. человек) весьма условны и произвольны. Действительно, при принятом в томе делении, с одной стороны, такие «разнокалиберные» языки, как, например, в табл. (B) бихари (число говорящих, согласно переписи, почти 17 млн. человек) и куи (512 тыс. носителей) или — в табл. (D) — мальто и содочи (соответственно 89 тыс. и 8 человек), оказались в одной и той же количественной категории. С другой стороны, такие языки, как, например, куи и кхандеши (число носителей соответственно 512 тыс. и 428 тыс.) или парджи (109 тыс.) и мальто (89 тыс.), попали в разные таблицы, хотя по числу говорящих на них они почти не отличаются друг от друга. Нужно сказать, что большая или меньшая условность и произвольность

свойственны не только тому делению языков на категории, котороепринято в рассматриваемом томе, но и, неизбежно, любому другому делению, проведенному по количественному признаку. Поэтому если уж делить статистический материал тома по количественному критерию, то для того, чтобы свести эту условность и произвольность к минимуму, лучше разделить его на меньшее число категорий (скажем, на две) и избрать рубеж между ними либо в 1 млн. человек (т. е. всекрупные языки, число носителей которых насчитывает 1 млн. и выше, дать в одку таблицу, а все прочие—в другую), либо, скажем, в 100 тыс. человек. Самое же лучшее, по нашему мнению, было бы вообще неподразделять материал и дать все языки без расчленения их на количественные группы, расположив их в порядке численности говорящих на них, т.е. объединить воедино таблицы (B), (C) и (D) (это сделать нетрудно, так как в каждой из этих таблиц языки расположены по убывающей численности их носителей и они составляют, таким образом, единое целое) и инкорпорировать в эту сводную таблицу, в соответствующие места, материал, относящийся к языкам из таблицы (А).

Что же касается группировки языков по численности их носителей,— поскольку такая группировка при всей своей условности представляет интерес,— то этой задаче с гораздо большим успехом служила бы специальная дополнительная таблица, где был бы приведен список всех языков с разбивкой на количественные категории с любой необходимой степенью дробности— наподобие имеющегося в рассматриваемом томе приложения к таблице (Е) на стр. 185—200, в котором даны подобные сведения о некоторых формах речи и где выделено 17 групп, вплоть до группы форм речи, названных лишь одним человеком.

Здесь, однако, перед нами встает еще один, связанный с предшествующим, но самостоятельный аспект подачи статистического материала: как расположить относительно друг друга сведения о языках и сведения о формах речи.

Четкое разграничение этих двух различных языковых категорий имеет большое значение. Огромное количество зафиксированных переписью языков и форм речи (причем, как говорилось выше, почти в каждом языке название языка и название одной из относящихся к нему форм речи — как правило, важнейшей — совпадают: например, в рассматриваемом томе встречаются хинди в значении «язык» и хинди в значении «форма речи») в условиях громоздкой и недостаточно четкой структуры приводит к тому, что можно легко перепутать обе эти категории (кстати, как уже отмечалось выше, недоразумение такогорода произошло даже в самом томе переписи). Чтобы свести возможность таких ошибок и недоразумений к минимуму, желательно так построить структуру тома, чтобы языки и формы речи были ясно и наглядно разграничены, отделены друг от друга.

В рассматриваемом томе сведения о формах речи приводятся в виде обширных приложений к каждой из основных таблиц (A), (B), (C) и (D). Такое расположение трудно назвать идеальным. Дополнения, более обширные, чем сами таблицы, вклиниваются в основной табличный ряд, расчленяют его. Чередование таблиц и дополнений, в каждом из которых сведения даны о нескольких языках или нескольких группах форм речи, нарушает целостность картины, затрудняя восприятие всего материала в целом, усложняя отыскивание отдельных языков и относящихся к нему форм речи. На наш взгляд, статистический материал можно было бы сгруппировать более рационально.

Так, например, известные удобства дало бы, очевидно, такое его-

расположение, при котором данные о формах речи, относящихся к каждому определенному языку, следовали бы непосредственно за данными, характеризующими этот язык в целом (при расположении всех языков в строго количественном порядке). Таким образом, полная статистическая характеристика каждого языка (и языка в целом, и отдельных форм речи, из которых этот язык состоит) была бы сосредоточена в одном месте.

Впрочем, такому расположению была бы присуща некоторая фрагментарность. Поэтому, пожалуй, предпочтительнее другой вариант, а именно: все цифровые данные о численности и размещении всех языков (в порядке числа говорящих на них) можно было бы свести: воедино и поместить в одной таблице, а все аналогичные сведения о формах речи (по относящимся к отдельным языкам, группам, расположенным в том же порядке, что и языки в первой таблице) — в другой.

Нам представляется, что оба предложенных нами варианта, особенно второй, более удобны для пользования языковым томом и облегчили бы восприятие содержащихся в нем статистических материалов.

Кроме того, для более четкого и ясного разграничивания цифровых данных, относящихся к языкам и формам речи, было бы желательно, помимо соответствующих указаний и оговорок в тексте, провести по всему тому (как в таблицах, так и в текстовой части) четкое шрифтовое разграничение между обеими названными, а также и любыми другими языковыми категориями. В рассматриваемом томе попытка использовать этот метод сделана, однако осуществлено это непоследовательно и, так сказать, от случая к случаю. Например, в основных таблицах тома (A), (B), (C) и (D) и в дополнениях к ним названия языков набраны строчными буквами, а названия форм речи — прописными; при этом название английского языка в таблице C-V(C) единственного иностранного языка, попавшего в основные таблицы, курсивом, а остальных — прямым шрифтом. В приложении (Annexure) III к предисловию Р. Ч. Нигама (стр. CCXXX—CCXXXVIII) названия и языков, и форм речи (а также названия языковых групп и ветвей) напечатаны строчными буквами, а прописными буквами набраны названия языковых семей и подсемей; в то же время названия: языков здесь набраны курсивом, а названия форм речи — прямым шрифтом. В таблице (Е), где дан список только форм речи (без языков), а также в приложении к этой таблице прямым шрифтом набраны названия индийских, а курсивом — иностранных форм речи, при этом классифицированные и оставшиеся неклассифицированными формы речи типографски никак не обособлены.

Совершенно иное шрифтовое оформление (в частности, с применением различных диакритических знаков) — в приложениях к тому (Аррепdices), содержащих материалы «Обследования языков Индии» Дж. А. Грирсона. В помещенной в конце тома таблице С-VI (о двуязычии) названия даже одних и тех же форм речи набраны двумя, а то и тремя разными шрифтами: там, где название формы речи служит заголовком соответствующего раздела таблицы (всего их 114), оно набрано прямыми прописными буквами; если то же самое название оказывается в разделе, где характеризуется число лиц, назвавших его своим вторым языком, то оно набрано строчными буквами, причем если оно относится к Индии в целом, то оно напечатано курсивом, а если к отдельному штату — то прямым шрифтом. Наконец, в указателе ко всему тому в целом вообще не делается различий между названиями языков и форм речи и выделены (курсивом) лишь формым

речи иностранного происхождения. В то же время в приложении (Annexure) I к предисловию Р. Ч. Нигама названия иностранных форм речи (в отличие от того, как это сделано в большинстве других разделов тома) набраны не курсивом, а прямым шрифтом.

Естественно, такая непоследовательность затрудняет усвоение содержащегося в томе материала. Между тем метод шрифтового разграничения весьма полезен, и им следовало бы воспользоваться шире, дав каждой языковой категории свое особое типографское оформление. Так, названия языков можно было бы набрать прописными буквами (или корпуссм), а названия форм речи - строчными буквами (или петитом); скажем, названия языков, упомянутых в Конституции, полужирным шрифтом, а прочих языков — светлым; названия классифицированных форм речи — вразрядку, а названия форм речи, оставшился неклассифицированными, без разрядки; названия индийских языковых форм — прямым шрифтом, а названия языковых форм иностранного происхождения — курсивом; можно выделить также и названия различных таксономических подразделений языковой классификации (например, названия языковых семей набирать жирным вразподсемей — полужирным вразрядку и неукоснительно и последовательно придерживаться этого разграничительного оформления по всему тому от первой и до последней страницы — и в текстовой части, и в таблицах, и в указателях.

*

В связи с вопросами, рассмотренными выше, встает еще один, чрезвычайно важный аспект подачи статистического материала, содержащегося в рассматриваемом томе, а именно: характер подачи статистических данных о языках в региональном разрезе, степень их территориальной детализации.

Здесь следует подчеркнуть, что для правильного уяснения особенностей языковой ситуации в Индии ее территориальный аспект не менее существен, чем аспект количественный, и оба эти аспекта следует учитывать в неразрывном единстве. Между тем освещение пространственного аспекта в рассматриваемом томе представляется нам неудовлетворительным: в частности, степень учета территориальной детализации приводимого в томе языкового материала явно недостаточна.

В публикациях, освещающих итоги переписи 1961 г., был принят следующий традиционный для индийских переписей принцип. Тома, посвященные Индии в целом и включающие соответственно общеиндийские таблицы, содержат территориально более обобщенные и генерализованные статистические данные (по штатам и в некоторых случаях также и по дистриктам). В томах же, посвященных отдельным штатам и территориям, публикуются более детализированные сведения (по дистриктам и в некоторых случаях по еще более мелким административно-территориальным единицам — талукам, тахсилам, полицейским участкам и т. п.).

В рассматриваемом языковом томе, входящем в общеиндийскую серию, за основу взяты только главные административно-политические единицы страны: все содержащиеся в нем цифровые данные о числе носителей как различных языков, так и форм речи приведены по штатам и территориям в целом. Исключение сделано лишь для 14 языков (но не для объединенных с ними форм речи), упомянутых в Конституции,— для каждого из них в табл. (А) указано число носителей также

и по всем дистриктам страны. Кроме того, в открывающих языковой том замечаниях А. Митры содержится таблица (Statement II, стр. XXVII—CLVII), в которой для каждого штата и каждой союзной территории указаны три наиболее распространенных в них языка и для каждого из этих языков даны сведения о числе носителей по всем дистриктам соответствующих штата или территории. Задача сообщить сведения по дистриктам о прочих языках возложена в рамках переписи 1961 г. на соответствующие разделы томов, посвященных отдельным штатам и союзным территориям.

В этой связи хотелось бы прежде всего обратить внимание на то, что штаты Индии представляют собой весьма крупные административно-территориальные единицы, которые по площади и населению можно сравнить с крупными европейскими странами. Достаточно напомнить, что население штата Уттар Прадеш насчитывало в 1961 г. почти 74 млн. человек, население Бихара — свыше 46 млн., Махараштры — почти 40 млн., Андхра Прадеша — 36 млн. человек и т. д. Средние данные по языковому составу населения (как и по различным другим показателям социального и экономического характера) по таким общирным и густонаселенным районам в целом, если их не дополнять детализацией по отдельным дистриктам могут дать, как правило, лишь самое общее и приблизительное представление о языковой ситуации и в большинстве случаев не отражают многие важные особенности реальной картины территориального распространения языков и иногда даже создают ложное представление об их размещении.

Установить картину действительного расселения целого ряда языковых групп можно только в том случае, если в нашем распоряжении будут данные не только по штатам в целом, но и по отдельным дистриктам.

Как указывалось выше, мы располагаем такими данными о языках, упомянутых в Конституции (табл. А), причем в эту группу входят почти все наиболее распространенные языки, на которых в общей сложности говорит большинство жителей страны. Кроме того, в табл. (Statement) II, содержащейся в замечаниях А. Митры, подробно освещено территориальное распространение почти всех остальных крупных языков, не вошедших в табл. (А), в том числе таких, как бихари, раджастхани и др.

Таблица, составленная А. Митрой,— чрезвычайно ценное дополнение к табл. (А). Тем не менее и этого нельзя признать достаточным. Ведь для исследователя важно получить точные данные о пространственном распространении не некоторых (пусть даже и самых крупных) и даже не большинства, а всех языков, важно установить точную пространственную картину языкового состава не части (пусть даже и большей), а всего населения страны, штата, дистрикта. Между тем материалы, содержащиеся в таблице А. Митры, не дают исчерпывающего представления о проблеме. В этой таблице для каждого штата охарактеризованы не все языки, а только три; языки, данные о которых приведены для одного штата, как правило, не представлены в разделах таблицы, посвященных другим штатам. Поэтому сведения о размещении многих крупных языков страны, даже таких крупных, как сантали, бхили, синдхи, конкани, касаются лишь незначительной части их носителей и оказываются недостаточно показательными.

Так, подистриктное распределение языка сантали, на котором говорит в общей сложности 3,2 млн. человек, зафиксировано в томе лишь для 1,1 млн. человек, живущих в Западной Бенгалии, где этот язык попадает в «большую тройку», а, например, в Бихаре, где на

сантали говорит 1,7 млн. человек, характер их размещения остается неизвестным. Подробности о распространении бхили (общее число назвавших его родным языком в Индии — 2,4 млн. человек) известны только для Раджастхана, где на бхили говорит лишь 832 тыс. человек. О распределении по дистриктам таких крупных языков, как гонди (1,5 млн. человек), курукх/ораон (свыше 1,1 млн.), непали (1,0 млн.), мы не имеем вообще никаких сведений, так как ни в одном из штатов (в том числе и в тех, где носители этих языков весьма многочисленны и составляют значительную часть населения) они не входят в «большую тройку». О более мелких языках, таких, как тулу, гархвали, мундари, хо, куи, кхаси, лушаи/мизо, гаро и т. д., и говорить не приходится, хотя детальные сведения о распространении этих и многих других, более мелких языков или групп языков представляют не меньший интерес, чем аналогичные данные о крупных языках.

Необходимость приведения в общеиндийском томе данных по всем дистриктам о распространении всех языков диктуется не только тем, что они представляют интерес сами по себе, но и тем, что без этих данных сведения даже о тех языках, для которых дана разбивка на дистрикты, во многом теряют свою ценность и как бы «повисают в воздухе». Действительно, даже располагая данными о распределении по дистриктам одних языков, но не имея в своем распоряжении аналогичных данных по другим языкам, исследователь лишен возможности установить пропорции, вычислить удельный вес носителей тех или иных языков во всем населении отдельных дистриктов, определить абсолютное и относительное значение различных языков в разных районах и местностях. Между тем при анализе языковой ситуации в Индии совершенно необходимо данные об абсолютной численности носителей тех или иных языков (как бы эти данные ни были важны сами по себе) дополнить данными об их относительной численности по районам. Дело в том, что в Индии некоторые языковые группы (в том числе довольно многочисленные и распространенные на обширной территории) повсюду в зоне своего распространения (даже в ареалах своей максимальной концентрации) составляют меньшинство населения (иногда даже ничтожное меньшинство, малозаметное среди иноязычного окружения). Другие же языковые группы (в том числе малочисленные и локализованные в пределах небольших районов), напротив, образуют в районах своего расселения (пусть даже и незначительных по площади) большинство или даже подавляющее большинство всех жителей. Рассматриваемый том из-за недостаточной территориальной детализации представленного в нем статистического материала не дает нам возможности установить соотношение между различными языками дистриктам, хотя это дало бы нам исключительно ценный материал для анализа языковой ситуации в стране, особенно в таких неоднородных в этническом отношении штатах (или их некоторых районов), как Бихар, Ассам, Орисса, Мадхья Прадеш и др.

Так, изучая рассматриваемый том, мы не получаем представления о реальной картине расселения различных языковых групп и регионального количественного соотношения между ними в Южном Бихаре — районе, весьма пестром в этноязыковом отношении. Например, тот факт, что (как можно подсчитать по имеющимся в томе данным) санталиязычное население Бихара насчитывает около 1,7 млн. человек и это составляет 3,5% всех жителей штата, не содержит в себе того весьма существенного уточнения, что большинство говорящих на сантали сосредоточено в одном дистрикте Бихара (Парганы Санталов), где они составляют значительную часть населения.

Если бы в нашем распоряжении были данные о распределении по дистриктам всех языков Ассама, то языковая разнородность этого штата также представилась бы нам в ином свете. Раскрылись бы главные особенности этнолингвистической ситуации, которые обнаруживаются не в языковой пестроте этого штата вообще, а в территориальном выражении этой пестроты. Данные переписи показали бы нам, что, в то время как самый крупный после ассамцев народ Ассама — бенгальцы, несмотря на свою многочисленность (свыше 2 млн. человек) и заметную долю во всем населении штата (около 18%), ни в одном из дистриктов этого штата (кроме Качара) не составляет большинства населения, небольшие горные народности, такие, как кхаси (363 тыс. человек, 3,0% всего населения Ассама), бодо (345 тыс., 2,9% населения), гаро (301 тыс., 2,5%), лушаи (216 тыс., 1,8%) и др., несмотря на свою малочисленность, будучи расселены чрезвычайно компактно, составляют в пределах своей локализации подавляющую часть жителей.

Неискушенный и поверхностный взгляд может вообще не обратить внимания на тот факт, что небольшую часть населения Западной Бенгалии (лишь 1,5%) составляют говорящие на непали. Между тем этот факт имеет немалое общеиндийское значение в свете того обстоятельства, что непальское меньшинство почти целиком сконцентрировано в дистрикте Дарджилинг, где составляет подавляющую часть населения.

Можно было бы легко умножить подобные примеры, красноречиво свидетельствующие о том, как необходимо давать в общеиндийском языковом томе данные не только по штатам, но и по дистриктам. Остается лишь выразить сожаление о том, что таблица А. Митры ограничена данными по штатам и территориям; если бы в ней указывались не только главные языки каждого штата (по его дистриктам), но и главные языки каждого дистрикта в отдельности, ценность таблицы неизмеримо бы возросла.

Итак, мы можем констатировать: пространственный аспект языкового состава населения, к сожалению, не нашел в рассматриваемом томе должного отражения, что намного снижает его ценность как источника для изучения языковой ситуации в Индии.

Правда, некоторые необходимые подробности публикуются в соответствующих разделах региональных томов. Но каждый региональный том содержит детальную языковую статистику только по одному соответствующему штату (или территории). Поэтому для того, чтобы составить представление о ситуации в Индии в целом, необходимо иметь в распоряжении помимо общеиндийского тома одновременно 27 региональных томов, содержащих лингвистические сведения. Однако пользоваться одновременно таким большим количеством источников довольно затруднительно, тем более что они перегружены деталями, многие из которых имеют в основном локальное значение, и не заменяют компактной сводной общеиндийской статистики, которую может дать только общеиндийский том. К тому же, с другой стороны, публикация всех имеющих отношение к нашей теме томов переписи растягивается на очень долгий срок. Общеиндийский языковой том переписи 1961 г. был издан в 1964 г., а часть региональных томов, содержащих лингвистические материалы, до сих пор еще не вышла в свет. Кроме того, иметь под рукой одновременно полный комплект всех языковых томов практически очень трудно, а для многих исследователей, изучающих этноязыковую ситуацию в Индии, которые живут в других странах, подчас и просто невозможно. Число библиотек за пределами Индии, располагающих полным комплектом изданий, выпущенных Ведомством Генерального регистратора и посвященных отражению данных переписи 1961 г., очень ограниченно, да и в самой Индии не все даже крупные научные библиотеки имеют это издание. Поэтому тот факт, что детальная информация о территориальном размещении языков и форм речи содержится в региональных томах, не снимает необходимости дать сведения по дистриктам и в общеинлийском языковом томе.

* * *

В связи с этим, учитывая предстоящую публикацию материалов переписи 1971 г. в Индии, нам хотелось бы высказать ряд пожеланий и сделать некоторые предложения.

Дело в том, что из-за специфики материала, с которым приходится иметь дело в языковом томе, сосредоточить весь статистический материал для каждого языка и каждой формы речи по каждому дистрикту *в одном томе* — задача трудновыполнимая. Во-первых, языков и форм речи, зафиксированных в 1961 г., очень много: напомним, что в переписи статус «языка» (language) получило 187 языков, а общее число форм речи достигает 1652. Во-вторых, одни языки и формы речи насчитывают всего лишь несколько десятков, а то и единицы носителей, а другие — десятки миллионов (причем мелкие численно преобладают). Б-третьих, некоторые языки и формы речи распространены на обширной территории, охватывающей несколько штатов, и даже рассеяны по всей стране и обнаруживаются почти в каждом дистрикте (в одних их сотни тысяч, в других — несколько человек), а другие в основном ограничены сравнительно небольшой территорией (иногда даже двумятремя дистриктами). Наконец, в-четвертых, число дистриктов, на которые делится территория Индии, также очень велико — более 300. В этих условиях найти оптимальный способ подачи столь разнородного и «разнокалиберного» (и по количеству, и территориально) материала — нелегкая задача. В частности, совершенно очевидно, что если пойти по пути приведения сведений и о каждом языке, и о каждой форме речи по каждому дистрикту, то это привело бы к непомерному разбуханию общеиндийского тома, притом в значительной степени за счет информации, имеющей второстепенное значение.

Однако опубликовать в общеиндийском томе данные по дистриктам о всех 187 классифицированных языках (а также выборочно о не-

которых формах речи) — задача вполне посильная.

Решить ее можно по-разному. Так, очевидно, было бы нецелесообразно группировать статистический материал в таком виде, как это сделано в табл. (А) рассматриваемого тома, т. е. перечислить в сводной общеиндийской таблице по вертикали все дистрикты страны и против каждого из них по горизонтали отметить число зафиксированных в нем носителей каждого из 187 языков (а если те или иные языки в каких-либо дистриктах не представлены, то отмечать факт их отсутствия). Такой метод годится для тех случаев, когда рассматриваемое явление наблюдается повсеместно, в каждом дистрикте или хотя бы в большинстве дистриктов.

Между тем территориальное распространение почти всех языков Индии, в том числе и многих крупных, более или менее ограниченно, и за пределами районов своей концентрации (как правило, ограниченных одним-двумя штатами) они встречаются далеко не во всех дистриктах и представлены незначительным числом носителей. Примером (это хорошо иллюстрируется табл. А) могут служить крупные языки: ассами (в штате Ассам сконцентрировано 99,7% носителей этого язы-

ка, за его пределами проживает лишь 19 тыс. ассамцев из 6,8 млн.), кашмири (в штате Джамму и Кашмир сосредоточено 99,1% кашмирцев, и в других штатах зафиксировано лишь 18 тыс. из 2 млн. говорящих на этом языке), кумауни (99,8% кумауниязычного населения Индии сконцентрировано в Уттар Прадеше; вне этого штата расселилось лишь 2 тыс. из 1 млн. кумаунцев), куи (все 512 тыс. говорящих на этом языке проживают только в одном штате — Ориссе — и не встречаются за его пределами) и др. Что же касается мелких языков (а их большинство), то, как правило, они локализованы в пределах небольших ареалов и за пределами этих ареалов почти не встречаются. Давать для всех этих языков полный перечень дистриктов значило бы чрезмерно увеличивать объем тома, так как таблица в большинстве своих звеньев состояла бы из незаполненных «пустот».

Очевидно, предпочтительнее применить систему более компактного расположения статистического материала и сгруппировать его не по административно-территориальным единицам (как это сделано в табл. А рассматриваемого тома), а по языкам (как это сделано в таблицах В, С, D и Е, правда, только по штатам), т. е. давать сведения отдельно о каждом языке и указывать для каждого из них не все штаты и не все дистрикты, а только те, в которых эти языки представлены (хотя бы одним человеком), а прочие штаты и дистрикты опустить.

Для исследователей представляют большой интерес детальные территориальном распределении не только языков, но и форм речи. Однако даже беглое ознакомление с характером собранного переписью статистического материала показывает, что фиксировать в общеиндийском томе численность носителей каждой из 1652 форм речи в каждом дистрикте Индии нецелесообразно. Это не только сделало бы языковой том крайне громоздким, но и было бы явным излишеством: том оказался бы перегруженным огромной информацией, имеющей второстепенное и чисто локальное значение. Достаточно напомнить, что подавляющее большинство форм речи, зафиксированных переписью 1961 г., было названо в ответ на вопрос о родном языке очень небольшим числом опрашиваемых. Появление большинства этих форм речи среди материалов, собранных переписью, носит, как правило, чисто случайный характер и ни в коей мере не отражает скольконибудь существенных особенностей языковой ситуации и характера этнических процессов. Поэтому выяснение того, где именно проживают «носители» таких количественно незначительных форм речи, не представляет для науки практически никакого значения. Разумеется, перепись населения, в основе которой лежит принцип исчерпывающей полноты статистической информации, должна фиксировать все, даже самые мелкие и незначительные детали. Однако главное назначение общеиндийского тома — дать общую сводную и достаточно генерализованную картину языкового состава населения страны; задача же показать второстепенные детали, относящиеся к территориальному распространению форм речи, должна быть возложена именно на региональные тома переписи.

Впрочем, в некоторых случаях потребность в показе распределения носителей определенных форм речи по дистриктам даже в общеиндийском томе очень велика, а для некоторых форм речи знание их размещения по дистриктам имеет для исследователя даже большее значение, чем знание размещения многих языков, в том числе и языка, в который они объединены. В первую очередь это относится к бходжпури, магахи и майтхили, квалифицируемых в переписи 1961 г. как формы речи и объединяемых в единый язык «бихари», и к формам речи,

которые сгруппированы под общим названием «язык раджастхани» (а также и к целому ряду других, например, к формам речи, включенным в язык «хинди». Это объясняется не только тем, что на этих формах речи говорят многие миллионы людей и что они территориально распространены весьма широко, но и, главное, тем, что отведение им статуса «форм речи», а не самостоятельных «языков», вызывает большие сомнения. У нас есть целый ряд оснований квалифицировать некоторые бихарские и, в меньшей степени, раджастханские формы речи как отдельные «полноправные» языки (об этом см. вторую нашу статью, помещенную в настоящем сборнике). Независимо от того, на какую иерархическую ступень следует поставить эти языковые разновидности, выяснение распределения по дистриктам не столько бихари и раджастхани в целом, сколько объединенных вних форм речи (а также установление их удельного веса во всем населении) очень помогло бы составить правильное представление о языковой ситуации и направлении этнических процессов в Бихаре и Раджастхане.

Поэтому нам представляется, что в общеиндийском томе следует поместить выборочно данные о размещении по дистриктам не только всех языков, но и (для некоторых из языков) некоторых форм речи. В качестве критерия отбора можно предложить следующий принцип: отбирать для показа входящих в них форм речи те языки, которые, как показывает перепись, внутренне наиболее неоднородны (скажем, те языки, в которых самая многочисленная форма речи составляет не более 50% или, скажем, 75%), а внутри этих языков отбирать только основные формы речи (например, те, которые были названы не менее чем 10% общего числа носителей данного языка, или те, которые назвало не менее чем 100 тыс. или, допустим, 500 тыс. человек). Все эти выборочные сведения можно дать в виде разного рода приложений и дополнительных таблиц к общеиндийскому языковому тому.

Разумеется, принятие и реализация нашего предложения о включении в общеиндийский языковой том данных о распределении всех языков и некоторых форм речи по дистриктам повлечет за собой увеличение объема этого и без того толстого тома. Однако, по нашему мнению, некоторое увеличение объема (а оно будет не очень значительным) компенсируется большим увеличением объема содержащейся в нем информации и, в результате, значительным повышением его ценности как главного источника для изучения этноязыкового состава населения Индии. К тому же из рассматриваемого нами тома переписи 1961 г. можно было бы без особого ущерба для его содержания изъять некоторые приложения (такие, как выдержки из отчета переписи населения 1901 г., занимающие почти 70 страниц текста).

Если же увеличение объема тома повлечет за собой трудности чисто типографско-издательского порядка (невозможность опубликовать весь предлагаемый материал в рамках одной книги по техническим причинам), то этот общеиндийский языковой том можно было бы разделить на две части и издать их порознь.

Нужно сказать, что мысль о целесообразности издания этого объемистого тома в двух отдельных частях напрашивается независимо от вопроса о его общем объеме. Действительно, в первую часть общеиндийского языкового тома можно было бы вслед за общим введением поместить сведения только о языках, данные о которых привести с разбивкой по дистриктам. Здесь же для полноты картины следовало бы дать и материалы (но с разбивкой только по штатам) о неклассифицированных (включая иностранные) формах речи, не вошедших ни в один из 187 классифицированных языков. В первой части можно

было бы также поместить дополнительные таблицы, содержащие разного рода группировки языков по тем или иным признакам (по их месту в системе классификации, по числу носителей и т. д.), указатели и т. п.

Вторую же часть общеиндийского языкового тома имело бы смысл целиком посвятить формам речи, расположив их по группам в том же порядке, в каком расположены в первой части языки, к которым эти группы форм речи отнесены. Статистические данные о формах речи целесообразно сгруппировать по штатам, а о некоторых из них (об этом говорилось выше) желательно дать по дистриктам. Здесь же можно дать в форме дополнительных таблиц различные группировки форм речи, индексы и другие материалы.

Нам представляется, что разделение тома на две названные части с четко разграниченным содержанием, из которых одна органически дополняла бы другую, дало бы возможность более четко, последовательно и логично расположить статистический материал и облегчило бы пользование источником. Была бы исключена возможная путаница между языками и формами речи. Можно было бы одновременно открыть страницы, относящиеся и к какому-либо языку, и к включенным в него формам речи.

Возможен и другой вариант, о чем уже говорилось выше: давать сведения о формах речи, относящихся к какому-либо языку, сразу после таблицы, посвященной этому языку, причем и в этом случае, разумеется, материал о языках дается с разбивкой не только по штатам, но и по дистриктам, а материал о формах речи (за некоторыми исключениями) — только по штатам. Преимуществом этого метода является то, что данные о языке и объединенных в него формах речи расположены рядом. При таком варианте структуры деление тома на две части (если и в этом случае считать его целесообразным) придется произвести по количественному критерию: в первой части привести сведения о более крупных языках, во второй — о менее значительных, а также о формах речи, не включенных ни в один из языков.

Кстати, имело бы смысл выделить в отдельную часть и материал, посвященный двуязычию, учитывая его особую важность и своеобразие.

В ответ на наше предложение включить в состав общеиндийского языкового тома статистические данные с территориальным членением не только по штатам, но и по дистриктам можно возразить, что его реализация неизбежно повлечет за собой значительно большее дублирование информации, содержащейся в общеиндийском томе, и информации, даваемой в региональных томах. Кроме того, если в общеиндийском томе приводить сведения о всех языках по каждому дистрикту, в котором эти языки представлены (независимо от того, говорит ли в данном дистрикте на данном языке один человек или один миллион), то том, сконструированный по нашей схеме, можно будет упрекнуть и в чрезмерной территориальной детализации — чрезмерной для общеиндийского тома, призванного дать более или менее генерализованную и обобщенную картину. Перегрузка деталями, в свою очередь, может затруднить восприятие и усвоение статистического материала.

Нам представляется, что эти возможные упреки недостаточно убедительны. Дублирование между томом, посвященным Индии в целом, и томами, посвященными отдельным районам, в той или иной степени неизбежно, а в рассматриваемом нами случае, в конечном счете, оправдано; избыток информации и ее излишняя детализация предпочтительнее, чем ее нехватка и чрезмерная обобщенность; а статистические языковые таблицы, как известно, составляются и публикуются именно для кропотливого научного анализа.

Все же, учитывая, что в аргументах наших возможных оппонентов есть доля истины, мы считаем нужным предложить следующее. Вместо того чтобы давать для каждого языка сведения по каждому дистрикту, в котором зарегистрированы его носители (вплоть до фиксации тех случаев, когда на данном языке в дистрикте говорит лишь один человек), можно было бы ограничиться только основными дистриктами распространения того или иного языка. Так, можно было бы указывать численность носителей того или иного языка только в тех дистриктах, где носители этого языка либо представлены в достаточно большом количестве (скажем, не менее 10 тыс. или даже не менее 1 тыс. человек), либо составляют значительную часть населения данного дистрикта (например, не менее 10%), либо составляют значительную часть общего числа носителей данного языка по всей Индии (допустим, не менее 50% или не менее 30%). Если ни один из названных признаков не подходит, можно было бы указывать для такого языка только тот дистрикт, который по числу носителей этого языка стоит на первом месте в стране. Это позволило бы сократить дублирование общеиндийского и региональных томов, устранить перегрузку тома деталями, «отсеять» информацию второстепенного значения и при этом сохранить данные, имеющие наибольшую ценность, а также расположить статистический материал еще более «экономно» (и тем самым попутно сократить общий объем тома), облегчив пользование таблицами, и в то же время дать в одном томе достаточно близкую к действительности общеиндийскую картину размещения носителей различных языков.

Такой метод подачи материала позволил бы расположить статистические сведения гораздо более компактно и в то же время дать и достаточно достоверную, и достаточно генерализованную картину расселения различных языковых групп. При этом, правда, теряется исчерпывающая полнота информации. Однако надо признать, что абсолютной необходимости в сохранении в общеиндийском томе исчерпывающей полноты информации нет.

Во-первых, при этом выпадает наименее ценная часть данных, представляющая некоторый интерес лишь для очень узкого круга исследователей. Во-вторых,— и это главное,— в данном случае отказ от полноты информации полностью компенсируется наличием региональных томов, где учитываются все носители (вплоть до одного человека) каждого языка в каждом дистрикте штата или союзной территории.

Завершая на этом наши рассуждения о характере подачи статистического материала в региональном разрезе, нам приходится с сожалением констатировать также еще и тот факт, что в рассматриваемом томе нет ни одной общеиндийской карты. Нет их и по отдельным районам (исключение составляют лишь несколько обзорных карт, посвященных Северо-Восточному Пограничному Агентству и Нагаленду). Отсутствие карт особенно бросается в глаза потому, что почти во всех других томах переписи 1961 г. карт довольно много. Одна из заслуг нынешних руководителей Ведомства Генерального регистратора как раз заключается в том, что ими была поставлена задача перенести на карты как можно больше собранных переписью статистических материалов, и эта задача в целом весьма успешно выполняется. Созданный при ведомстве специальный Отдел картографии и географии, которым руководила известный индийский географ и картограф д-р Ф. Сенгупта (1913—1968), обеспечил подготовку и издание большого числа карт и даже целых атласов, представляющих большой вклад в дело изучения Индии и выгодно отличающих перепись 1961 г. от всех предшествующих. Тем более достойно сожаления то обстоятельство, что надлежащее картографическое оформление статистических данных отсутствует именно в языковом томе, потому что с помощью серии карт (как общеиндийских, так и по отдельным штатам; как по всему языковому комплексу, так и по отдельным языкам) распространение различных языков в Индии можно было бы показать особенно наглядно. Хочется надеяться, что в аналогичном томе переписи 1971 г. статистический материал будет проиллюстрирован картами достаточно подробно и обстоятельно.

Подведем некоторые итоги нашего обзора.

Общеиндийский языковой том переписи 1961 г. представляет собой чрезвычайно важный источник сведений о языковом составе населения Индии. Опубликованные в этой книге данные представляют исключительный интерес. Прежде всего, их ценность заключается в том, что они содержат самую последнюю информацию о распределении населения Индии по родному языку и дают нам возможность обновить наши представления об особенностях языковой ситуации в стране, которые до того по необходимости базировались на данных переписей 1951 и 1931 гг. (при этом обнаруживаются некоторые новые важные явления, не зафиксированные прежними переписями, что позволяет сделать ряд новых интересных наблюдений и выводов). Во-вторых, перепись готовилась гораздо более тщательно и была проведена с гораздо большим размахом, чем перепись 1951 г., на более солидной основе, с учетом опыта, накопленного в ходе проведения предшествующих переписей, с учетом новейших научных достижений. Обработка данных о языках была произведена гораздо более тщательно и рационально, чем в 1951 г. В частности, при систематизации и группировке собранных в 1961 г. первичных лингвистических материалов была применена новая, в целом более совершенная (хотя в некоторых своих звеньях и излишне упрощенная) классификация языков. Поэтому собранные в 1961 г. данные о языках отличаются гораздо большей достоверностью, надежностью и точностью. Наконец, в-третьих, в отличие от переписи 1951 г., проводившейся в то время, когда в Индии еще существовало искусственное административно-территориальное деление, оставшееся стране в наследие от колониального периода, данные о языках, собранные переписью 1961 г., сгруппированы в соответствии с новым административно-политическим устройством страны, более или менее соответствующим расселению большинства крупных этноязыковых обшностей.

Тем не менее, несмотря на общую высокую оценку, которой заслуживает рассматриваемая книга, она, как это вполне сознают и сами ее составители, не свободна от недостатков. Как показано выше, метод подачи статистического материала в ней далек от совершенства. Структура тома чрезмерно сложна, громоздка, непоследовательна. Для того чтобы научиться ориентироваться в этой структуре, в различного рода предисловиях, таблицах, дополнениях, приложениях (Notes, Statements, Tables, Flyleaves, Supplements, Annexures, Appendices) и т. д. и безошибочно отыскивать необходимые данные, требуется определенный навык. Огромный объем информации, сконцентрированный в томе, при недостаточно четкой структуре книги, приводит к тому, что некоторые более важные, общие, существенные аспекты языковой ситуации в Индии «тонут» в море мелких и менее существенных фактов.

Книге явно нехватает какого-то обобщения, какого-то дополнения, в котором в сжатом и концентрированном виде были бы наглядно представлены основные особенности языкового состава населения страны. Нам представляется, что специалисты, которым приходится обращаться к языковым материалам переписи населения Индии, вправе ожидать от составителей будущих аналогичных томов более четкого, ясного и запоминающегося расположения материала, которое сделало бы этот источник более удобочитаемым и облегчило бы пользование им. Необходимо более тщательно продумать и отражение в томе данных о территориальном распространении языков.

Здесь, однако, следует сказать и несколько слов в оправдание составителей.

Громоздкость и сложность структуры (и связанные с этим трудности восприятия и усвоения содержащихся в книге данных) в значительной степени объясняются исключительной разнородностью, сложностью и обилием собранного переписью материала, с которым пришлось иметь дело составителям книги. Бесчисленное множество форм речи и языков (причем одни из них распространены по всей Индии, а другие встречаются только в отдельных небольших районах), огромная численность населения страны, большое количество административно-территориальных единиц, на которые делится Индия, — все эти объективные условия красноречиво свидетельствуют о том, что составление сводной исчерпывающей картины как по стране в целом, так и по отдельным штатам и территориям представляет задачу огромной сложности и масштаба и что трудности, стоявшие перед Р. Ч. Нигамом и возглавляемым им коллективом, были чрезвычайно велики. Более того, приходится признать, что в этих условиях найти такой вариант структуры языкового тома и такую манеру подачи статистического материала, которые были бы вообще неуязвимы для критики, задача практически, видимо, невозможная. Очевидно, всякий — даже оптимальный — вариант (в том числе и тот, который предлагаем мы сами) будет иметь, наряду с большими или меньшими достоинствами, свои недостатки.

Во всяком случае, нельзя не подчеркнуть то, что языковой том переписи 1961 г.— результат огромного кропотливого труда, принесшего ценные результаты, и надо отдать должное Р. Ч. Нигаму и его коллегам, силами которых была произведена работа поистине колоссального объема. Поэтому трудно не согласиться с мнением об этом томе, высказанном Ашоком Митрой в его вводных замечаниях (стр. V) в следующих словах: «Действительно, следует в высшей степени гордиться тем, что так много было сделано по столь многим направлениям таким небольшим числом людей в столь короткое время и с такими преданностью и самоотверженностью».